Alexander Amfiteatroff.

Der Ursprung des Antisemitismus in Russland

Band III.

Der Pogrom von Belostok.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Происхожденіе антисимитизма

III ЧАСТЬ.

Погромъ въ Бѣлостокѣ.

Берлинъ 1906

VERLAG DER STUHR'SCHEN BUCHHANDLUNG.

Berlin.

Alexander Amfiteatroff.

Der Ursprung des Antisemitismus in Russland

Band III.

Der Pogrom von Belostok.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Происхожденіе антисимитизма

III ЧАСТЬ.

Погромъ въ Бѣлостокѣ.

Берлинъ 1906.
Verlag der Stuhr'schen Buchhandlung.
Berlin.

„Проз 38“

„Пр[illegible]

Погромъ въ Бѣлостокѣ.

III.

Товарищи! Говоря третьяго дня о Бѣлостокскихъ событіяхъ, мы нисколько не сомнѣвались, что подробности, которыя послѣдуютъ за первыми краткими оповѣщеніями, не замедлятъ подтвердить и выяснить въ нихъ обычный корень правительственной провокаціи.

Такъ оно и вышло. Послѣ вчерашнихъ и сегодняшнихъ газетъ уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что бѣлостокская бойня, подобно бойнямъ кишиневскимъ и одесскимъ, подстроена и организована по предварительному умыслу. Это бойня по сигналу, бойня по фейерверку. Таможенные чиновники въ Граевѣ, присутствовавшіе при погромѣ, нашли въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы засвидѣтельствовать, что грабежъ и убійства начались по полицейской командѣ и подъ полицейскимъ руководствомъ послѣ того, какъ данъ былъ сигналъ ракетою. Змѣиный шумъ ракеты выросъ въ оффиціаль-

ныхъ извѣстіяхъ въ взрывъ бомбы, которая будто бы убила священника и искрошила крестный ходъ. Между тѣмъ, сегодня телеграммы изъ Гродно опровергаютъ уже, чтобы кто либо изъ духовенства въ крестномъ ходу пострадалъ и очень опредѣленно настаиваютъ на томъ, что ракета была пущена изъ крестнаго хода. Во времена Варфоломеевской ночи людей били по удару колокола на башнѣ Окіерруа. Въ наши дни бьютъ по ракетѣ.

Я не буду злоупотреблять жалкими словами, чтобы возбудить ваше состраданіе и негодованіе. Для доброй половины публики, присутствующей въ этомъ залѣ, кровавая бѣда бѣлостокскихъ евреевъ — вопіющее кровное дѣло, и не только мои слабыя слова, но даже Демосѳеново краснорѣчіе не было бы въ силахъ говорить объ этой бѣдѣ громче и выразительнѣе голоса крови. Для другой половины публики, бѣлостокская бойня — новое оскорбительное униженіе прогресса, который Россія завоевываетъ себѣ такимъ тяжелымъ, едва-ли не сверхсильнымъ трудомъ. Несчастные, измученные повторностью событій, Сизифы, мы катимъ и катимъ камень цивилизаціи на верхъ крутой, русской горы, но — едва-едва вскатили на гребень рокового обрыва, — проклятый камень срывается и летитъ по скатамъ, какъ разрушительная лавина, давя

слѣпо и дико ни въ чемъ неповинныхъ людей, а насъ пятная кровавымъ стыдомъ и отчаяніемъ безсильнаго гнѣва.

Дѣло состраданія вы уже исполнили третьяго дня, организовавъ посильный сборъ въ пользу жертвъ бѣлостокскаго погрома, — мы, конечно, продолжимъ его и сегодня. Но теперь, когда мы поставлены въ полную увѣренность относительно провокаціонной организаціи убійствъ, намъ, по моему глубокому убѣжденію, необходимо отозваться на ужасы и безобразія царской опричины также и дѣломъ негодованія.

Сегодня утромъ меня посѣтилъ секретарь общества Друзей Русскаго Народа, чтобы черезъ мое посредство передать въ главнѣйшія русскія газеты протестъ противъ бѣлостокскихъ неистовствъ, организованный названнымъ обществомъ и подписанный самыми блестящими именами французской политики и литературы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы можемъ лишь благодарить друзей-французовъ за ихъ любезныя и благородныя чувства. Но обольщать себя тѣми надеждами, чтобы протестъ этотъ произвелъ на правительство русское впечатлѣніе серьезнаго и властнаго окрика, способнаго прекратить или хотя ослабить преступныя дѣйствія, — мы уже, увы, не въ состояніи: не достаетъ вѣры! Столько видѣли и слышали мы плато-

ническихъ протестовъ, которые, красиво раздавшись изъ авторитетныхъ устъ, всетаки падали потомъ, какъ въ бездонную яму. Русскому правительству они были — что стѣнѣ горохъ: въ одно ухо вошло, въ другое вышло!

Мнѣ кажется, что мы, собравшіеся здѣсь въ достаточно большомъ числѣ, представители и члены передовыхъ группъ русской колоніи въ Парижѣ, можемъ, имѣемъ право и силу, выразить наше негодованіе актомъ, болѣе яркимъ и, быть можетъ, болѣе вліятельнымъ, чѣмъ простой платоническій протестъ брошенный въ правительственное пространство газетнымъ-ли, инымъ-ли путемъ. Конечно, и мы не въ состояніи оказать иного воздѣйствія, кромѣ чисто нравственнаго, этическаго, но надо по крайней мѣрѣ, чтобы оно не пропало даромъ, не расточилось въ воздухѣ, какъ „душеспасительное слово", обращенное къ глухому или къ закаменѣлому Плюшкину. Вѣдь огромное большинство протестовъ сводится, въ концѣ концовъ, результатами своими только къ тому, что отправляющіе констатируютъ фактъ: охъ, какъ мы честно мыслимъ, а получающіе говорятъ: ну, и на здоровье . . . слыхали не разъ! и инцидентъ исчерпанъ.

Поэтому я предложилъ бы вамъ, почтенное собраніе, выработать теперь же такой протестъ,

который могъ бы прозвучать какъ негодующій голосъ русской эмиграціи въ Парижѣ, не только со страницъ десятка-другого передовыхъ газетъ, но и съ трибуны той Государственной Думы, которая, если не является, то старается явить собою народное представительство. Мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что значительную долю вины за бѣлостокское несчастье Государственная Дума должна принять на себя, на свою медлительность и наивность въ противодѣйствіи правительству, на свою нерѣшительность примкнуть къ революціи и получить отъ нея боевые мандаты. Пока Дума, обрадованная, что „и у насъ, какъ въ Европѣ", денно и нощно упражнялась въ парламентскомъ краснорѣчіи, принимая трибуну за каѳедру и получая отъ г. Муромцева менторскія указанія, извлеченныя изъ „Приклада, како говорятся и пишутся куплименты", — правительство употребило время съ большею для себя пользою. Въ страхѣ предъ аграрною революціей, оно дернуло за обычный клапанъ, чрезъ который бюрократія русская уже тридцать лѣтъ выпускаетъ пары народныхъ недовольствъ: устроило еврейскій погромъ, который, судя по ловкости организаціи, только начало къ серіи погромовъ. Не забудемъ, что Бѣлостокъ — центръ еврейской вооруженной самообороны и городъ фабричный, съ массою

хорошо распропагандированныхъ рабочихъ. Разгромить Бѣлостокъ значило нанести тяжкій ударъ еврейскимъ силамъ русской революціи и поставить ее въ очень критическое положеніе по всему западному краю, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Правительство пробуетъ убить однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ, — отсрочить аграрную революцію, бросивъ темнымъ обманутымъ мужикамъ кровавую временную жертву еврейскихъ погромовъ, и заставить революціонныя силы, крестьянство и еврейство, взаимно истреблять другъ друга. Страшно подумать, что хоть одинъ изъ двухъ зайцевъ будетъ настигнутъ правительственнымъ коварствомъ, а что — если оба?

Государственная Дума не должна допустить подобной возможности. Если она сколько нибудь цѣнитъ свое достоинство, если она собралась не для простой западнической игры въ парламентъ, если она не школа господскихъ словопреній, но хоть немного органъ народа, выдѣлившаго ее, какъ пѣнку на своей поверхности, ея роль сейчасъ выступить противъ правительства, не только порицающими словами, но и пресѣкающими дѣйствіями. Не знаю какъ Вы, господа, но я совершенно неудовлетворенъ тѣмъ извѣстіемъ, что трое думскихъ представителей Щепкинъ, Якубсонъ и (не помню третье имя)

командированы Думою для разслѣдованія Бѣлостокскихъ событій. Этого мало, этимъ не успокоить потрясеннаго чувства и не починить глубокихъ прорѣхъ въ шаткомъ дѣлѣ освобожденія. Слѣдствіе слѣдствіемъ, но — что-же? пока слѣдствіе то будетъ производиться — жить какъ? Три члена Думы будутъ производить слѣдствіе, а Дума „перейдетъ къ порядку дня“ и опять утонетъ въ океанѣ кабинетнаго разглагольствія, укрощаемаго гувернерскою ферулою Муромцева рѣшительно отъ всякого практическаго и твердаго плана и слова, похожаго на дѣло. Стенографическіе отчеты очень наглядно показываютъ намъ, что рѣдкій ораторъ изъ крестьянъ или трудовиковъ покидаетъ трибуну, не оборванный вѣжливымъ, но неуклоннымъ предсѣдателемъ, какъ скоро изъ области общихъ фразъ и розово-либеральныхъ тумановъ эти люди выбираются къ воплямъ своихъ практическихъ нуждъ и — что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ.

Я думаю, что ни одна семья не въ состояніи заниматься теоретическими умствованіями или болтовнею на второстепенныя темы текущаго дня въ то самое время, какъ въ ея квартирѣ стоятъ гробы съ дорогими, любимыми братьями и сестрами. Если такая семья находится, то это черствая, бездушная, жестокая семья и мы не будемъ питать къ ней уваженія. Надо честно

похоронить и отомстить эти кровавые гробы и спасти остающихся въ живыхъ отъ гробокопателей и убійцъ.

Какія гарантіи имѣетъ Дума предложить странѣ, что провокація погромства не будетъ распространена правительствомъ по всему западному краю? Мы не идеалисты и совсѣмъ не склонны утверждать, что бьетъ евреевъ только отребье городского люда, а русскій мужичокъ — такой ангелъ, что хоть въ ножки ему кланяйся, онъ на еврейской головѣ волосика не тронетъ. Напротивъ, мы весьма убѣждены, что, когда за волосики брать разрѣшается, русскій мужичокъ не только на еврейской, но и на какой угодно головѣ выгоду свою соблюдетъ и ни единаго волосика не оставитъ. Правительство боялось за волосы бюрократіи, крупнаго землевладѣнія, царской фамиліи и упредило революцію, подставивъ мужикамъ волосы всеискупающаго еврейства: дерите, батюшки! и — чѣмъ больше, тѣмъ лучше... И можете быть увѣрены, что — пока не наткнется на энергическое противодѣйствіе — армія погромныхъ батюшекъ драть будетъ.*) Въ состояніи-ли Дума унять

*) Одинъ изъ ораторовъ, говорившихъ на второмъ митингѣ (въ залѣ на Avenue de Choisy) по поводу Бѣлостокскихъ событій, укорялъ меня за это пессимистическое мнѣніе о русскомъ мужикѣ, увѣряя будто пос-

этотъ безчестный и безсмысленный деръ, который, какъ гласятъ телеграммы, уже побѣжалъ изъ Бѣлостока направо и налѣво вдоль желѣзныхъ дорогъ? Нѣтъ, не въ состояніи, какъ не въ состояніи добиться амнистіи, получить от-

---

лѣдній чуждъ предубѣжденій національныхъ, религіозныхъ, расовыхъ, а поддается только теченіямъ классовой борьбы. Ну, знаете, теорія теоріей, книга книгою, практика практикою и жизнь жизнью. Конечно, оно должно бы быть такъ, но на дѣлѣ оно не такъ, или вѣрнѣе оно, покуда, еще не такъ. Я вполнѣ согласенъ, что у россійскаго мужика не больше логическихъ причинъ къ ненависти противъ еврея, чѣмъ противъ, напримѣръ, хотя бы попа. Но — увы! проживъ уже не малое число лѣтъ на свѣтѣ, притомъ изрядную часть ихъ въ югозападныхъ губерніяхъ, я имѣлъ несчастіе видѣть собственными глазами два еврейскіе погрома — и о скольнихъ изъ нихъ читать и слышать! — но погромовъ поповскихъ, покуда, не бывало и нѣтъ, да и не будетъ — до тѣхъ поръ, пока попъ есть persona grata правительства, слагающаго крестъ изъ штыковъ. Еще разъ повторяю: не надо славянофильскихъ, народническихъ и пр. идеализацій á la Jean Jacques Rousseau. Люди — всюду люди, и мужику россійскому не съ чего быть лучше другихъ. Исторія не исправляется въ одинъ день, и тѣ, кто пытается ставить вопросъ объ еврейскихъ погромахъ исключительно на почву классовой борьбы, игнорируя придатки прочихъ пережитковъ, оказываетъ еврейству очень плохую услугу. Тутъ какой то оптическій обманъ дѣйствуетъ. Совершенно несправедливо и нелѣпо изображать еврейство *классомъ*, враж-

мѣну смертной казни, провести аграрную реформу, парализовать заемъ. О, этотъ заемъ, значеніе котораго такъ упорно игнорировали въ свое время тѣ краснобаи, что наполняютъ теперь кадетскія скамьи Думы! Какъ скоро сбылось вѣщее слово Максима Горькаго, сказан-

---

дебно противопоставленнымъ пролетаріату и крестьянству, которое участвуетъ въ погромахъ. Съ другой стороны, воображать, будто крестьянство остается чуждо погромамъ, можетъ лишь очень наивная неопытность, закрывающая глаза на дѣйствительность во имя книжной теоріи идиллическаго самообмана. Шаблонъ погромовъ общеизвѣстенъ: полиція подстрекаетъ и руководитъ, хулиганы начинаютъ драку и грабежъ, войска поддерживаютъ и охраняютъ погромщиковъ, а, когда можно, и помогаютъ имъ съ доступною разбойничьею энергіей, какъ именно было въ Бѣлостокѣ. Когда же сіи „львы“ растерзаютъ свою добычу, на сцену являются „гіены и шакалы“, роль которыхъ, къ сожалѣнію, во всѣхъ безъ исключенія еврейскихъ погромахъ, извѣстныхъ до сего времени, обязательно брало на себя подгородное крестьянство, пріѣзжающее съ телѣгами подбирать и увозить трофеи погрома — „жидовское добро“. Если мнѣ укажутъ хоть одинъ мало мальски крупный погромъ, въ которомъ не было бы періода мужицкаго грабежа, я буду очень радъ и благодаренъ, но очень сомнѣваюсь въ доказательности такой ссылки. Впрочемъ, нѣтъ. Въ Екатеринославѣ мужики не грабили. Они тамъ разсудили, что не стоитъ ѣздить за „жидовскимъ добромъ“ въ городъ, когда, послѣ погрома, разбѣгающіеся хулиганы сами непремѣнно понесутъ

ное имъ въ первой книжкѣ „Краснаго Знамени“;

„Понимаютъ ли еврейскіе банкиры Европы, что они даютъ деньги въ Россію на организацію еврейскихъ погромовъ?“

„Если они это понимаютъ, — ихъ преступленіе равно развѣ только ихъ жадности къ

это добро за городъ. Поэтому мужики заняли „заставами богатырскими“ всѣ пѣшіе и конные пути изъ Екатеринослава и — на извѣстномъ разстояніи отъ города — переграбливали у удиравшихъ хулигановъ все, что хулиганы награбили у евреевъ. Въ результатѣ, ограбленный хулиганъ, съ новою злобою, возвращался въ Екатеринославъ и опять принимался за грабежъ... Слаще ли отъ того было евреямъ? Спросите бѣглецовъ! Думаю, что, когда человѣка грабятъ, ему рѣшительно безразлично, у кого затѣмъ окажется его безвозвратно потерянное имущество, у Lumpenproletarier'a, каково хулиганство, или у мелкоземельнаго буржуа, каково пригородное крестьянство. Нѣтъ, не надо книжныхъ иллюзій. Двухсотлѣтній развратъ русскаго правительства испортилъ и разложилъ темные низы русскаго народонаселенія во всѣхъ безъ исключенія слояхъ его такою массою историческихъ предубѣжденій, предразсудковъ и т. п., что на просвѣтительную борьбу съ ними уйдетъ еще не мало труда не только у современниковъ, но, быть можетъ, и у потомковъ нашей революціи. Къ этому надо приготовиться, какъ борцамъ, а не закрывать глаза, изъ слѣпого уваженія къ теоріи, изъ вѣры, фанатически полагающейся на непогрѣшимыя verba magistri. Ал. Амфитеатровъ.

нажившѣ. Исторія, я знаю, приготовитъ для нихъ заслуженную ими тяжелую пощечину."

Дума не въ состояніи сдѣлать ничего спасительнаго для народа, потому что она не опирается на революцію, которою полонъ народъ, и боится, можетъ быть, этой революціи не менѣе, чѣмъ само правительство. Впрочемъ, хватилъ-же на-дняхъ г. Муромцевъ во всеуслышаніе такую парламентскую архи-ересь, что Дума есть „часть правительства" ... И изъ многочисленно присутствующихъ ученыхъ мужей никто его не поправилъ.

Дума собралась для властнаго умиротворенія страны, а вмѣсто того, безсильнымъ топтаніемъ своимъ на одномъ мѣстѣ подводитъ ее подъ обухъ. Театральничанья однихъ, мѣшкотная педантичность другихъ кадетовъ такъ связали руки трудовикамъ и крестьянамъ, что имъ скоро, кажется, придется лучше замолчать, чѣмъ обѣщать возможности и угрозы, не исполнимыя при данныхъ условіяхъ черезчуръ обильнаго балласта. Пора прекратить эту неисполнимость, довольно напрасныхъ жертвъ, попускаемыхъ доктринерскою постепеновщиною. Мы видѣли, какъ на глазахъ Думы эти жертвы падали единицами, десятками, какъ въ Ригѣ, — теперь опять воскрешается правительственная массовка убійствъ, возстановляется принципіальная травля

народа, многострадальность котораго, послѣ вѣковыхъ испытаній, надѣялась легче вздохнуть подъ сѣнью конституціоннаго уклада, но — увы! конституціонный укладъ въ Россіи при вяломъ потворствѣ соннаго общества, преблагополучно подмѣненъ конституціоннымъ самодержавіемъ, а конституціонному самодержавію еврейская кровь оказывается такимъ-же надобнымъ и цѣлительнымъ лекарствомъ, какъ была самодержавію самодержавному. Мы опять во временахъ Нейгардта и барона Левенталя. Дума переживаетъ событія и зрѣлища, при которыхъ оставаться безсильнымъ свидѣтелемъ значитъ позорить народное представительство и выдавать на смѣхъ его идею.

Мы, здѣсь собравшіеся, въ большинствѣ изгнанники по политическимъ причинамъ, дѣти и работники революціи, ея раненые, переутомленные и инвалиды, не можемъ равнодушно смотрѣть на комедію парламентскаго безсилія, безконечно разыгрываемую на любительской сценѣ Таврическаго Дворца. Садиться между двухъ стульевъ очень смѣшной крендель въ водевилѣ, но — когда одинъ стулъ называется самодержавіемъ, а другой — революціей, то крендель становится очень зловѣщимъ и трагическимъ: отъ него у многомилліонныхъ народовъ слезы льются. Думѣ пора открыто выбрать свой

стулъ и примкнуть къ революціи, которая одна можетъ спасти ее, если она другъ народа, и которая безпощадно погубитъ ее, если она застрянетъ въ виляющей роли не то, чтобы врага, а такъ, какъ Гоголь говоритъ, — „ни то, ни се, чертъ знаетъ что“.

Мы, здѣсь собравшіеся, какъ по теоретическому исповѣданію, такъ и по практической принадлежности дѣлимся на нѣсколько различныхъ партій и фракцій, связанныхъ, однако, общею цѣлью свободы въ торжествѣ соціалистическихъ началъ. Въ этомъ залѣ мало людей, не прошедшихъ сквозь мытарства арестовъ, тюремъ, Сибири и сѣверныхъ пустынь, разоренія, насильственнаго лишенія образованія, побоевъ, поднадзорнаго состоянія — всѣхъ обидъ и ухищреній, которыми рабство, какъ терніемъ, обладило головоломныя тропинки, по нимъ же, обливаясь кровью, шагаютъ босыя ноги пилигримовъ свободы. Эмиграція вольная и невольная, слагающая собою огромный русскій Парижъ, учащійся и рабочій, имѣетъ законное право и должна возвысить свой голосъ къ нашимъ новоявленнымъ парламентаристамъ, — голосъ съ того самаго запада, котораго формамъ они такъ педантически подражаютъ, а за формами то — ничего, ничего . . . Мы наслушались фразъ ужаса къ вооруженному выступленію, о неподъ-

готовленности народа, о необходимости экономить его революціонную энергію, о глубокой жалости рисковать кровью народа. Во всемъ этомъ есть, конечно, много искренняго и, по своему справедливаго, но — къ сожалѣнію, дѣйствительность отвѣчаетъ на эти теоретическія справедливости наглядностью ужаснѣйшихъ фактическихъ несправедливостей. Народъ, который считается неподготовленнымъ бить правительство, оказывается въ рукахъ правительства отлично подготовленнымъ, чтобы бить евреевъ и, въ лицѣ ихъ, самаго себя и революцію. Накопленная революціонная энергія уходитъ черезъ коварно подставленный клапанъ погромовъ и замѣняется развратною привычкою къ разбойничеству. Кровь, которой сантиментально жалѣютъ для боя на баррикадахъ, рѣками льется беззащитно и безотмстно, подъ дубинами одурманенной черни.

Русская колонія въ Парижѣ представляетъ собою настолько численную и опредѣленную группу революціоннаго движенія, что ея голосъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія никакимъ собраніемъ, претендующимъ на русское народное представительство. И мнѣ кажется, что мы хорошо поступимъ и полезно, если отправимъ въ Петербургъ на имя кого либо изъ народныхъ представителей съ несомнѣнно доказаннымъ революціоннымъ образомъ мыслей,

коллективное выраженіе чувствъ, пережитыхъ нами при страшной вѣсти о бѣлостокскомъ погромѣ, который, повторяю, мы должны разсматривать не иначе, какъ первую битву контръреволюціи, окрѣпшей и вдохновившейся подъ шумокъ думскаго многоглаголиваго бездѣйствія. Не говорю уже о требованіи немедленнаго и энергическаго подавленія погромовъ, о требованіи строжайшаго слѣдствія и суда надъ ихъ устроителями, — это условія примитивныя, хотя и ихъ словами не добиться: три четверти Государственнаго Совѣта полно погромщиками, которымъ давно слѣдовало бы быть подъ судомъ, да у Думы руки коротки, ну, значитъ, и скачи, враже, якъ панъ каже! Но никакое народное представительство не можетъ, сколько нибудь уважая себя и серьезно смотря на свою миссію, уживаться съ правительствомъ, которое поддерживаетъ себя подобными ужасами. Дума выразила недовѣріе министерству Горемыкина, а министерство осталось на мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и для вящей красоты и хвастовства омыло себя въ крови бѣлостокскихъ евреевъ. Царь и министерство бойкотируютъ Думу. Если послѣдняя хочетъ сохранить или, вѣрнѣе, возвратить себѣ уваженіе націи, для этого одинъ путь — бойкотировать царя и министерство. А чтобы бойкотъ этотъ оказался не простымъ

громкимъ словомъ, которое погаснетъ въ ближайшей отъ Таврическаго Дворца тюрьмѣ, Дума должна покориться тяготѣнію, которое указываютъ ей ея контрабандные члены — крестьяне и трудовики. Она должна подчинить свой организмъ движенію партій революціоннаго дѣйствія, стать ихъ голосомъ, какъ онѣ станутъ ея рукою, то есть перелиться изъ безсильной политической говорильни въ могучее учредительное собраніе, чрезъ которое скажетъ и сотворитъ свою волю революція, а революція есть народъ!

Рѣчь, произнесенная на похоронахъ М. Р. Гоца въ Женевѣ.

IV.

Товарищи и Граждане!

Я имѣю порученіе поклониться праху Гоца и прощально его привѣтствовать отъ трехъ внѣпартійныхъ соціалистическихъ учрежденій: отъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, отъ редакціи журнала „Красное Знамя“ и отъ Русской Школы Соціальныхъ Наукъ въ Парижѣ. Позвольте остановить ваше вниманіе на первомъ изъ этихъ трехъ порученій. Я принялъ его съ особенно пылкою готовностью, такъ какъ въ этомъ печальномъ поклонѣ есть радостная, въ высшей степени многозначительная и ярко симптоматическая сторона. Всероссійскій Крестьянскій Союзъ представляетъ собою объединеніе лучшей части русскаго крестьянства — наиболѣе сознательной, наиболѣе энергичной, наиболѣе вліятельной. Гробъ Михаила Гоца — не простой ящикъ съ трупомъ, отжившаго свой боевой срокъ,

хотя бы и извѣстнаго человѣка, хотя бы и заслуженнаго героя революціи. Мы не должны забывать, что Гоцъ былъ еврей. Еврей и русскій революціонеръ! Это сочетаніе, такъ обычное въ наши грозные дни, обращаетъ прахъ Гоца въ трагическій символъ еврейскаго мученичества за дѣло русской свободы. И не одному Гоцу въ гробу его кланяется теперь Всероссійскій Крестьянскій Союзъ отъ имени крестьянства русскаго, — въ лицѣ Гоца, онъ кланяется всему революціонному движенію еврейства, скажу болѣе: онъ кланяется всему многострадальному еврейскому народу. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что не только въ революціонной, но даже въ пассивной, мирной и темной его части, судьба этого народа-мученика — изъ года въ годъ, изо дня въ день искупать каждое движеніе русской свободы своими терзаніями — океаномъ притѣсненій, убійствъ, грабежей, надругательствъ, которыя обрушиваетъ на нихъ подозрительная петербургская деспотія. Товарищи! Мы хоронимъ Михаила Гоца въ дни Бѣлостока и Сѣдлеца!... Подъ громомъ этихъ ужасныхъ событій, — повторяю, — прощальный привѣтъ Михаилу Гоцу отъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза принимаетъ особенно глубокій и многообѣщающій смыслъ.

Онъ раздается въ моментъ, когда на кресть-

янство съ выжидательною тревогою обращены взоры одинаково и правыхъ, и лѣвыхъ группъ русскаго общества. Послѣднее сознало всею массою своею пробуждающуюся революціонную силу крестьянства, поняло, что она — рѣшающая, и ждетъ ея, какъ девятаго вала. Мы знаемъ, что еще недавно царизмъ считалъ крестьянство своею довѣчною опорою. Мы знаемъ, что онъ пытался установить сообщничество между самодержавною властью и крестьянскою массою и запутать послѣднюю въ свои контрреволюціоныя преступленія, — въ томъ числѣ, на первомъ планѣ и прежде всего, именно въ преступленія противъ еврейскаго народа. Погромы, организованные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выставлялись имъ, какъ дѣло рукъ „Народной Немезиды“. Употреблялись тысячи провокаторскихъ уловокъ и подкупныхъ соблазновъ, чтобы породить, раздуть, воспитать и осуществить ту мнимую, якобы органическую, ненависть между крестьянствомъ и еврействомъ, о которой такъ много вопіяли и вопіютъ еще охранители справа и которой, въ дѣйствительности, не существуетъ нигдѣ, если крестьяне и евреи предоставлены самимъ себѣ — уживаться въ своихъ взаимноотношеніяхъ, какъ сами хотятъ и знаютъ.

Царизмъ падаетъ и средства его обмановъ

и насилій разлагаются вмѣстѣ съ нимъ. Ни нагайка, ни полтинники, ни легенды о японскихъ милліонахъ не въ состояніи болѣе обморочить головы очнувшагося народа. Онъ съ ужасомъ смотритъ на свое прошлое, отрекается отъ настоящаго и тоскливымъ порывомъ устремляется въ будущее, которое есть свобода, равенство и братство всѣхъ, сопряженныхъ съ Россіей, народовъ.

И — въ первой необходимой очереди — народа еврейскаго. Крестьянство разглядѣло, сквозь искусственные историческіе наносы и кровавые административные туманы, кто его настоящіе враги, кто его искренніе друзья въ человѣчествѣ, — и Петербургу не одурманить его снова. Объ этомъ заботятся многія дружныя силы русскаго освобожденія, — между ними и та широкая крестьянская организація, именемъ которой я возлагаю вѣнокъ на гробъ Гоца.

Это — вѣнокъ восторга, состраданія и раскаянія. Восторга — къ революціонному геройству, состраданія — къ идейному мученичеству, раскаянія — въ отчужденіи отъ нихъ, въ маломъ пониманіи ихъ до сихъ поръ, въ невольномъ попустительствѣ ихъ прошлыхъ горей и бѣдствій. Мракъ минулъ, солнце восходитъ. И, въ сіяніи солнца, русскій народъ видитъ гордо вѣющее красное знамя свободы. Радостно устрем-

лнется онъ подъ гордое знамя и — опять повторяю: изумленный, сострадающій, полный раскаянія — убѣждается, что древко знамени держитъ, изнемогая, но не сдаваясь, не иной кто, какъ — еврей, изстрѣлянный царскими пулями въ бою за мужицкую свободу!

Деспотія пыталась сѣять раздоръ между еврействомъ и крестьянствомъ подъ покровомъ темной ночи невѣжества и на почвѣ рабства. Соціалистическая энергія освѣтила Россію солнцемъ свободы. Подъ его пламенными лучами сразу увяли ночныя сорныя травы. Крестьянство поняло могучую роль еврейства въ борьбѣ за свободное будущее соціалистической Россіи и — благодарное, растроганное — идетъ на встрѣчу еврейкимъ мученіямъ съ открытымъ сердцемъ и дружески протертыми руками.

Слава рыцарямъ духа, создавшимъ самоотверженными трудами своими почву для этого союза! Слава сильнѣйшему изъ сильныхъ между ними — Михаилу Гоцу!

Отъ имени Всероссійскаго Крестьянскаго Союза низко кланяюсь праху его.

О Сѣдлецкомъ погромѣ.

V.

Сѣдлецкій погромъ превзошелъ, по откровенности своей, рѣшительно всѣ правительственныя наглости, которыя испестрили кровавыми пятнами позорную книгу русскаго прозябанія въ когтяхъ жестокаго и глупаго звѣрька, называемаго Николаемъ II. Это не царь и даже не царекъ — это просто хорекъ. Онъ — или пьетъ кровь или сидитъ забившись въ глубокую нору, и вдвое больше злобится отъ страха, что его убьютъ, — отъ страха, столь свойственнаго преступнику, который оцѣнилъ самъ себя въ душѣ своей и справедливо нашелъ, что нѣтъ мерзости, въ которой онъ не былъ бы виноватъ, и нѣтъ казни, которой онъ бы не заслуживалъ. Въ Кишиневѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ еще надо было уличать правительство въ организаціи антіудейскаго террора, производить добровольческіе слѣдствія, припирать фактами къ стѣнѣ всевозможныхъ титулованныхъ и властныхъ

лгуновъ, старавшихся изворотливо свалить вину съ больной головы на здоровую и подмѣнить жестокости самодержавнаго человѣконенавистничества жестокостями русскаго народа. Онъ де — историческій и органическій антисемитъ, а потому бьетъ „жида“ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, заступаясь за батюшку-царя, а мы де, хотя и вѣрные слуги батюшки-царя, котораго „жиды обижаютъ революціей“, но постоянно и настолько лойяльны, что согласны были бы защищать даже и васъ, обидчиковъ-жидовъ, да безсильны бороться съ стихійною энергіей народной Немезиды. Всѣ эти хитрыя благоглупости полицейскаго и жандармскаго маккіавелизма были пущены въ ходъ даже и послѣ Бѣлостокскаго погрома, окончательно раскрывшаго глаза Европѣ на вопросъ — кто и зачѣмъ бьетъ и мучитъ евреевъ въ предѣлахъ имперіи добродушнаго и сентиментальнаго Николая II. Теперь хорошо извѣстно, что не только народъ не принималъ участія въ бѣлостокскомъ погромѣ, но даже хулиганами онъ поддержанъ былъ слабо, — еврейскіе мученики Бѣлостока погибли подъ пулями и штыками солдатъ, которымъ ихъ передали, какъ въ средніе вѣка отдавался на волю побѣдителей взятый кровавымъ штурмомъ городъ. Казалось, дальше Бѣлостока итти некуда. Всѣ Геркулесовы столбы достиг-

нуты, всѣ nec plus ultra сказаны. Но вотъ наступаетъ новый страшный судъ: Сѣдлецъ — и неисчерпаемый кладезь кровавой грязи, министерство Столыпина, находитъ въ себѣ новые могучіе источники, чтобы залить срамомъ послѣднія сколько нибудь чистыя мѣста и полоски на имени и репутаціи русскаго государства. Въ Сѣдлецѣ было дано первое открытое сраженіе романовско-еврейской войны. Раньше такъ откровенничалъ только одесскій Каульбарсъ, да и то его унимали и обдергивали изъ Петергофа и Петербурга, чтобы не распускалъ слишкомъ длинно свой генеральскій языкъ и не смущалъ кровожадною болтовнею ушей европейской „княгини Марьи Алексѣевны". Въ Сѣдлецѣ дѣло шло на чистоту. Всѣ евреи были объявлены революціонерами, всѣхъ евреевъ поставили внѣ закона, окружили солдатскимъ кольцомъ и принялись систематически истреблять погромомъ — уже солдатскимъ на чисто, безъ всякихъ хулиганскихъ масокъ и декорацій. Презумпція убійства: „каждый жидъ — революціонеръ" — вела правильную, сознательно-безчестную, холодно расчетливую и безжалостную аттаку на жизнь и благополучіе 25.000 человѣкъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 24.000 были ни въ чемъ не повинны предъ своими палачами, кромѣ, объявленнаго преступленіемъ, еврейскаго происхож-

денія. Отъ купцовъ, мелкихъ полуграмотныхъ и безграмотныхъ ремесленниковъ, отъ голи изъ хижинъ предмѣстья власти требовали, протворяясь серьезными, выдачи революціонеровъ. Подумаешь, — такая это легкая штука — выдать революціонную организацію! — Что же намъ, ваше превосходительство, родить, что ли, революціонеровъ прикажете? только и могли бы отвѣчать, если бы смѣли, всѣ эти несчастные Іосели, Хаимы, Абруми, отъ которыхъ губернаторъ и полковой командиръ Тихановскій, съ холодною и тупою свирѣпостью, съ ножемъ у горла, требовали:

— Гдѣ Бундъ? Подавайте Бундъ.

— Колы жъ нима? . . .

Въ отвѣтъ — грохотъ выстрѣловъ и — потомъ — стоны умирающихъ . . .

Требовали Бунда и требовали . . . денегъ . . . Уже многіе сѣдлецкіе бѣглецы достигли Парижа и разсказы ихъ единодушно гласятъ, что сѣдлецкія власти торговались съ еврействомъ, быть или не быть погрому. Губернаторъ требовалъ 25.000 руб., командиръ полка — 20.000. Евреи рады были откупиться, но не могли собрать больше 25.000 р. на обоихъ палачей. Мало!... И, за нехваткою двадцати тысячъ наличной взятки, разгромлено имущества на милліонъ, и лилась горячими ручьями кровь человѣческая . . .

Любопытно, что сѣдлецкому погрому предшествовала полоса слуховъ о предполагаемыхъ умягченіяхъ правительственнаго режима по отношенію къ евреямъ: о расширеніи, если не уничтоженіи, черты осѣдлости, объ уравненіи правъ на высшее образованіе и т. д. Впослѣдствіи всѣ подобные слухи категорически опровергались правительствомъ, но — тогда — былъ же какой нибудь огонь, отъ котораго поднимался этотъ странный дымъ.

Дѣло объясняется просто. Повторилась, только съ большею прозрачностью, исторія кишиневскаго погрома, который заграничные агенты покойнаго фонъ-Плеве тоже „продавали“ европейскому еврейству, а еврейство не купило, не повѣривъ въ угрожающіе намеки Манасевичей-Мануиловыхъ и имъ подобныхъ. Тогда Плеве и показалъ — „на что мы способны: если вы съ нами такъ, то мы съ вами вотъ какъ.“ Показалъ, но „пересолилъ“, напугавъ и возмутивъ весь цивилизованный міръ, такъ что затѣмъ пришлось — сперва притихнуть съ погромами, а затѣмъ возобновлять ихъ уже не иначе, какъ въ гримѣ лже-народной Немезиды, дубиною дикаго черносотенца и ножомъ хулигана. Еврейство въ Россіи, для котораго громовый ударъ кишиневскаго погрома, несомнѣнно, былъ эрою какъ бы великаго пробужденія и нравственнаго подъема къ само-

защитѣ и единству, приспособилось къ этимъ наноснымъ бѣдамъ: его вооруженныя организаціи и рабочія группы скоро доказали хулиганамъ и черносотенцамъ, что погромъ есть палка о двухъ концахъ, и „штатскіе“ погромы стали нуждаться въ военномъ прикрытіи: Одесса; Кіевъ, Екатеринославъ и т. п. Въ то же время еврейство западное, справедливо взбѣшенное кишиневскимъ погромомъ, тоже очень осязательно показало хулиганствующему русскому правительству, „на что и мы способны“: кредиты Россіи заграницею быстро пошли на убыль и стали понемногу сокращаться и закрываться. Гордое своими 950 милліонами золотомъ, накопленными Витте, для чего онъ, по собственному его цинническому, но вѣрному опредѣленію, „выжалъ Россію, какъ лимонъ“, правительство не особенно тревожилось, тѣмъ болѣе, что расчитывало на успѣхъ манчжурской авантюры, въ которую увлекалъ Николая слѣпой рокъ, олицетворяемый Александромъ Михайловичемъ, Безобразовымъ, Алексѣевымъ, Абазою, Вонлярлярскимъ и прочими „сихъ дѣлъ мастерами“. Но попытка расторговаться чужимъ лѣсомъ съ рѣки Ялу оказалась для Николая II. менѣе успѣшною, чѣмъ блистательный опытъ торговли собственною водкою: какъ виноторговецъ, царь преуспѣвалъ, а, въ качествѣ лѣсоторговца, осрамился и разорился, спустивъ въ манчжурской

аферѣ все, что скопили ему винныя и мѣняльныя операціи золотой валюты. Японская гроза и пробужденная отъ сна революція вызвали потребность заключать „заемъ за займомъ“, какъ выражается теперь въ своихъ французскихъ interwiews все тотъ же Витте. Но сей спросъ нашелъ весьма слабое предложеніе, а еврейскіе банки, съ могучимъ домомъ Ротшильда во главѣ, попятились отъ русскихъ операцій съ подчеркнутую выразительностію. Маклерство по русскому апрѣльскому займу досталось сравнительно второстепенной банкирской фирмѣ Мендельсона въ Берлинѣ. Извѣстно, что условія займа были ужасны и постыдны, и что участіе въ немъ Франціи Коковцевъ вырвалъ совершенно шантажнымъ путемъ и то лишь по глупости, халатности и двойственной игрѣ нашихъ россійскихъ гг. кадетовъ, ухитрившихся допустить недопустимое. Европа денегъ дала, сконфузилась, испугалась и забастовала: больше ни за что! А Николаю Александровичу нужно еще, еще и еще... И вотъ объ этомъ то еще, еще и еще ведется съ еврействомъ торгъ — по обычной системѣ: въ одной рукѣ векселя, подлежащіе тысяча первому переучету, а въ другой — разбойничій кистень. Рука съ разбойничьимъ кистенемъ вѣжливо спрятана за спину, и съ устъ звучатъ умильныя рѣчи о гуманныхъ планахъ прави-

тельства по отношенію къ еврейству до образовательной реформы и отмѣны черты осѣдлости включительно. Но умильныя рѣчи — журавли, летающіе въ небѣ. Еврейство знаетъ ихъ хорошо, и на жульническій экспансивности Господъ Обмановыхъ подается туго. Тогда взвивается рука съ нагайкою . . . начинаются ужасы Бѣлостока и Сѣдлеца, которыми господа Обмановы, сбросивъ всякія маски, говорятъ европейскому еврейству:

— Мы продавали вамъ для вашихъ одноплеменниковъ миръ отъ нашего звѣрства, — вы забыли прошлое, не хотѣли купить. — хорошо: такъ вотъ — мы вамъ просвѣтимъ память, любуйтесь еще и еще, опять и опять, на что мы способны . . .

Сейчасъ, когда впечатлѣнія Сѣдлеца, замятыя круто связанною печатью, попризавяли ужъ опять во всѣхъ ушахъ, кромѣ еврейскихъ, опять началось шантажское заигрываніе на почвѣ расширенія правъ. Смѣхотворный документъ о томъ уже оглашенъ въ европейской печати. Это — что то мефистофельски-бюрократическое: читая, было бы смѣшно, если бы не было грустно и . . . страшно. Достаточно сказать, что балаганное министерство Столыпина, чтобы обморочить не знающую русскаго законодательства европейскую публику, подтверждаетъ, съ видомъ неизъяснимаго великодушія, свободу и право евреевъ —

жить въ губерніяхъ (съ поименованіемъ) той самой черты осѣдлости, за которую они сто лѣтъ рвутся — на свободу. Не доставало еще манифеста отъ обожаемаго монарха, что его еврейскимъ подданнымъ, такъ и быть, всемилостивѣйше разрѣшается селиться въ Бердичевѣ и Шкловѣ! Какъ ни пріучены мы къ злымъ шуткамъ русской бюрократіи, но, признаюсь, эта удивила меня своею артистичностью. Я все же думалъ, что — въ видахъ декоративнаго и формальнаго великодушія, — г. Столыпину придется накинуть евреямъ узенькую полоску территоріи вокругъ черты осѣдлости, этакъ хоть по одному уѣзду изъ пограничныхъ губерній. Но онъ распорядился еще великолѣпнѣе: ничего! Евреи жаждутъ свободы отъ черты осѣдлости, а г. Столыпинъ утверждаетъ за ними свободу наслаждаться чертою осѣдлости. Передержка — геніальная въ своемъ родѣ! Въ качествѣ бывшаго владѣльца Столыпинскихъ минеральныхъ водъ, г. Столыпинъ легко могъ знать Михаила Васильевича Кречинскаго (шулера по водамъ разѣзжать любятъ!) и взять у него правила и пріемы игры: въ его еврейскихъ льготахъ я узнаю черты этого великаго „мага и волшебника“... Faites vos jeux, messieurs! faites vos jeux!... Повторяю: было бы смѣшно, если бы не было грустно и страшно. А страшно потому, что

сколько разъ уже замѣчено, что подобныя и фальшивыя и дутыя, якобы милости, лже-льготы и псевдо-справедливости суть зловѣщія предвѣстія скорыхъ погромовъ „за неблагодарность“.

Шантажный характеръ еврейскихъ погромовъ разоблачался передъ глазами Европы по мѣрѣ того, какъ отъ участія въ нихъ отпадали слои населенія, за которое романовское правительство прятало свои двигательныя пружины.

Первыми отвалились рабочіе, — орудія старыхъ погромовъ въ 80-хъ годахъ — потомъ крестьянство, въ Бѣлостокѣ поколебались и спасовали даже хулиганы, и въ Сѣдлецѣ передъ еврействомъ стоялъ уже правительственный вымогатель на чистоту — въ свѣтлыхъ пуговицахъ и офицерскихъ погонахъ, съ шеренгами солдатъ и пулеметами за спиною. Кольцо убійцъ сомкнулось вокругъ еврейскаго городка и — послѣ торга частнаго, явившагося отголоскомъ общаго государственнаго торга — начало бойню, подобія, которой устраивалъ лишь Иванъ IV Васильевичъ въ Новгородѣ да въ Ливоніи. Вотъ она — и месть за вчерашній день, и впередъ угроза! Есть молъ еще порохъ въ самодержавныхъ пороховницахъ, — выкупайте, еврейскіе банкиры, право жизни для своихъ одноплеменниковъ, право чести для ихъ женъ, сестеръ и дочерей, а не то — вы видѣли: мы на все способны!...

Персія цивилизуется, Китай получилъ конституцію, въ одной Россіи, вмѣсто государственнаго порядка и строя, царитъ узаконенная Варѳоломеевская ночь. Еврейство въ Россіи — это народъ-заложникъ, аманатъ, захваченный романовскимъ разбоемъ въ поруку за раболѣпную покорность европейскаго капитала. И, когда европейскій капиталъ поетъ пѣсни не по романовскимъ нотамъ, Романовы устраиваютъ ему сѣдлецкіе и бѣлостокскіе аккомпанементы. Совершенно такъ поступаютъ въ Малой Азіи бандиты. Они уводятъ въ горы кого либо изъ членовъ семьи богатаго банкира или купца и посылаютъ письмо съ требованіемъ выкупа. Если выкупъ не взносится съ достаточную быстротою, то слѣдуетъ второе письмо, и къ нему прилагается ухо, отрѣзанное у плѣнника. Затѣмъ другое ухо, палецъ, носъ и т. д. — покуда не получится требуемый выкупъ.

Единственнымъ средствомъ прекратить эти кровавые разбойничьи шантажи является уничтоженіе самого разбойничества, со всѣми его шайками. Уничтоженіе его надвигается и снаружи, и изнутри. Внутри идетъ работа двойственная. Съ одной стороны, романовскій бригандажъ значительно расшатанъ могущественными усиліями активныхъ силъ революціи. Съ другой — въ его собственныхъ нѣдрахъ уже развивается

психологическій процессъ, нѣкогда предсказанный Толстымъ въ его сказкахъ-проповѣдахъ о „непротивленіи злу“: группы человѣческія, призванныя правительствомъ опричничать и палачествовать, устали отъ навязанныхъ имъ подлыхъ ролей, ихъ тошнить отъ пролитой крови, полныя угрызеній совѣсти и самопрезрѣнія, онѣ распадаются и отходятъ въ сторону. Наилучшее свидѣтельство — Сѣдлецъ, гдѣ правительство осталось для погрома съ одною автоматическою солдатчиною . . . Народъ протрезвился и нашелъ въ себѣ пригашенное сознаніе добра и зла. И, найдя, отошелъ отъ зла и сотворилъ благо . . .

Александръ Амфитеатровъ.

Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы, Ал. Амфитеатровъ (old Gentlman) сосланъ на 12 лѣтъ въ сибирь ч. 1—3 по 1,—
за все 3,—

Андреевъ Л. Бездна . . . . . 2,—

М. Горькій. Три разсказа (не пропущены русской цензурой) . . . . . 1,—

— — Революціонныя пѣсни и баллады 1,—

Голосъ изъ русской арміи Разоблаченія . 2,—

Ждановъ, Сергѣй. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ 2,—

Суккенниковъ, М. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . . . . 1,—

Спасовичъ Вл. Семь судебныхъ рѣчей . . 5,—

Содержаніе: I Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мервинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибыловыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Вл. Короленко. Чудная . . . . . 1,—

Домъ № 13 . . . . . 1,—

Портъ-Артуръ . . . . . 1,—

Евреи въ Москвѣ . . . . . 1,—

С. Щедринъ Топтыгинъ I, II, III . . . . 1,—

Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй Томъ I и II. . . . . 25,—

Марокъ.

Флеровскій Н. Н. Три политическіе системы: Николай I, Александръ II и Александръ III. . . . . 6,—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10,—

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . —,60

— — Крейцерова соната 1,50

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“ . . . . . 1,—

— — Крестьянская революція . . . . . 2,—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Очевидецъ. — Кровавое воскресенье въ С-Петербургѣ 9—22 января 1905, наброски съ натуры, отзывы заграничной печати . . . . . 1,—

Колосовъ. Смерть Плеве и Сергѣя Александровича . . . . . 1,—

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. I: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1,—

Карповичъ. Избіеніе русской молодежи. . . 1,—

Колосовъ. Его Превосходительство . . . . 3,—

Сущность и значеніе **конституціи** гарфа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1,—

Новые матералы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2,—

Марокъ

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . 2,—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2,—

„ VIII. **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2,—

„ X. **Николай I,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

„ XII. **Александръ III,** . . . . . 2,—

„ XIII. **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3,—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Мысли о Финляндіи . . . . . —.80

Болѣзнь Александра III. . . . . . 1,—

Антонъ Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій . . . . . 1,—

Проѣжій, Господа черносотенцы.. . . . . 1,—

Вильгельмъ Райнеръ, „Дарованная“ конституція и контръ-революція . . . . . 2,—

М. И. Грантъ, графъ Витте вчера и сегодня . 1,20

Вертеръ. Очерки изъ русской революціи, разсказы, эпизоды, наброски съ натуры . 1,—